

Принято считать, что Ф.М. Достоевский был убеждённым христианином, православным, а с точки зрения большевиков — реакционером. Для этого есть основания. Приведём многократно упоминаемую в разных сочинениях цитату: «И в Европе такой силы атеистических выражений *нет и не было*. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую. Через большое *горнило сомнений* моя Осанна прошла, как говорит у меня же, в том же романе, чёрт¹».

Во всех советских «достоевсковедческих» сочинениях, о некоторых из них поговорим позже, эта цитата обрывается на словах: «моя Осанна прошла». И эта мысль полностью приписывается самому Достоевскому, как якобы его откровение. Отчасти такой ход мысли для советских исследователей понятен: ведь нельзя же считать одного из самых «реакционных» писателей XIX века неким врагом христианства, хотя бы и мнимым. Поэтому конец этой цитаты — слова чёрта из романа — никогда и никем не упоминались. Является ли «чёрт» одним из тех персонажей Достоевского, к которым следует прислушиваться? Может, да, а может — и нет. С точки зрения «чёрта» многие мысли о так называемом христианстве могут выглядеть и выглядят по-разному. И сам Достоевский высказывался по этому поводу неоднозначно.

Следует вспомнить некоторые фрагменты из воспоминаний о Достоевском: 1) «он был скорее набожен, но в церковь ходил редко и попов не любил...» (А.Е. Врангель):

2) «— Откуда вы взяли этот «Приговор»? (один из рассказов Достоевского) — спросила я его. — Это моё, я сам написал (...).

— Да вы сами-то атеист?

— Я деист, я философский деист! — ответил он». Об этом пишет в своих воспоминаниях Л.Х. Симонова-Хохрякова.

---

¹ «В том же романе» — «Братья Карамазовы» — Г. М.

На первый взгляд, эти мемуарные свидетельства полностью противоречат всему тому, что мы со школьной скамьи знаем о Достоевском как убеждённом христианине, поклоннике православия, защитнике реакционных сил и адепте царского режима. Однако зададим самый простой вопрос: а верил ли Достоевский вообще в Бога?

Федор Михайлович Достоевский
(1821–1881).

Для начала обратимся к тексту одного из самых известных романов «Преступление и наказание».

«Так вы всё-таки верите же в Новый Иерусалим?

— Верую, — твёрдо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

— И-и-и в бога веруете? Извините, что так любопытствую.

— Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

— И-и в воскресение Лазаря веруете?

— Ве-верую. Зачем вам всё это?

— Буквально веруете?

— Буквально.

— Вот как-с... так полюбостовал. Извините-с. Но позвольте, — обращаюсь к давешнему, — ведь их не всегда же казнят; иные напротив...

— Торжествуют при жизни? О да, иные достигают и при жизни, и тогда...

— Сами начинают казнить?

— Если надо и, знаете, даже большею частью. Вообще замечание ваше остроумно»².

Казалось бы, вопрос решён, если Раскольников не просто верит в евангельские сказания, но даже верит в них *буквально*, — куда уж дальше? Однако не только старушку-процентщицу убил, но и её безвинную сестру Елизавету вместо того, чтобы пойти в монахи. Самое интересное, что в том же романе в другом месте — в разговоре со Свидригайловым — Раскольников совершенно спокойно заявляет, что не верит в будущую жизнь. И вот

² «Преступление и наказание», ч. 3-я, гл. V.

тогда-то Свидригайлов рассказывает ему о возможном варианте «будущей жизни».

«— Я не верю в будущую жизнь, — сказал Раскольников.

Свидригайлов сидел в задумчивости.

— А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде, — сказал он вдруг.

“Это помешанный”, — подумал Раскольников.

— Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится».

Читатель-христианин может как бы резонно возразить, дескать, и Раскольников, и Свидригайлов за свои богохульные взгляды поплатились: один отправился на каторгу (как раньше и сам Достоевский), а другой покончил с собой. По сюжету романа «враги христианства» вроде бы понесли заслуженное наказание, по крайней мере, от руки автора романа. Но опять-таки всё здесь непросто.

Что такое самоубийство? С христианской точки зрения это смертный грех, а вовсе не какое-то наказание за какие-то «Грехи», определить смысл и значение которых может только Бог. Поэтому самоубийство героев Достоевского можно толковать иначе. Рискнём предположить, что это вовсе не самоубийство, а жертвоприношение.

Здесь следует обратиться к образу Смердякова. «— Про неправду всё написано, — ухмыляясь прошамкал Смердяков», а ведь речь-то идёт о Святом Писании. Свои «богоборческие» мысли Достоевский вкладывает в уста одного из самых неприглядных героев «Братьев Карамазовых», то есть как бы «открещиваясь» от этих идей. Но ведь Смердяков тоже Карамазов, а по отчеству, что особенно важно — Фёдорович, то есть как бы нравственный сын Фёдора Михайловича. Об этом скажем более подробно ниже.

Принцип социалистического реализма, да и вообще любого реализма, даже «капиталистического» — в отличие, например, от нереалистических произведений («Илиады», «Одиссеи» или Библии) — состоит в том, что положительные герои мыслят правильно, а отрицательные нет, и борьба между ними заканчивается хепши эндом — добро торжествует, зло наказано. Сотни тысяч произведений, написанных по такой форме, даже называть стыд-

но. Среди отечественных последних — Юрий Трифонов, А. Солженицын, В. Кочетов, Е. Евтушенко (автобиографический роман) и многие другие, начиная от Корнеля и Расина до современности (в частности, лауреат Нацбеста 2021 — Александр Пелевин).

Суть дела в том, что Достоевский мыслил и чувствовал совершенно иначе. Упаси бог подумать, чтобы у него Джеймс Бонд или Рэмбо с кулаками и автоматом казались ему положительными героями, да и вообще, если подумать, ни Алёша Карамазов, ни князь Мышкин, откровенно названный идиотом, далеко такими не являются. Любители православия могут ещё вспомнить старца Зосиму из «Братьев Карамазовых», но при этом следует уточнить, что думал о нём сам Фёдор Михайлович. После смерти старца от него стало «пованивать». Если выражаться языком православной идеологии, он далеко не выглядит святым; и все его святые наставления в романе, можно сказать, тоже «пованивают», и во всяком случае — далеко не истинны. Теперь ещё раз о значении «отрицательных» героев.

* * *

Весной 1985 года меня пригласил к себе Леонид Максимович Леонов. В то время я писал диссертацию о его творчестве и попросил его разъяснить некоторые вопросы, которые мне показались спорными. Он очень доброжелательно пригласил меня в гости. Я сказал: мне представляется, что в его романах и пьесах, особенно 20-х годов, все разумные, на мой взгляд, мысли вложены в уста отрицательных героев. А так называемые «положительные», провозглашающие торжество социалистического строя, не только примитивны, но и оказываются изнутри подленькими, хотя по сюжету одерживают некую экзистенциальную «победу».

Леонов, невысокого роста, щупленький старик, но необычайно живой и подвижный, при этих моих изъяснениях рассмеялся и сказал: «Вы, молодой человек, великолепно поняли сущность моего метода, я следую путём Достоевского, так, чтобы якобы положительные герои вовсе не выглядели положительными, а в отрицательных было больше правды». Наш разговор закончился размышлениями о том, что принесёт стране перестройка, но это к теме не относится.

Сила и мудрость Достоевского состоит в том, что каждый из его героев представляет собой загадку. Если Смердяков говорит о так называемом христианстве, что это про неправду всё написано, то об этом, следовательно, думал и автор романа.

В самом деле, что представляло из себе православие во времена Достоевского? Уже вышли сочинения Д. Штрауса и Э. Ренана о жизни Христа, в которых на твёрдой «научно-исторической» основе (как казалось по тому времени) доказывалось, что Христос был не более чем «добрым человеком» (кстати, так он называет сам себя в текстах Евангелий). Нет никакого сомнения в том, что Достоевскому эти книги были известны, иначе бы никаких «мучительных сомнений» в его душе не возникало бы. Вообще говоря, с точки зрения ортодоксального христианства рассуждения Штрауса и Ренана являются разновидностью ереси арианства, осуждённой в 325 году на I Вселенском соборе. Однако это не меняет смысла вопроса, поскольку новые факты и документы открыли и новые перспективы понимания прежнего вероучения.

* * *

Вспомним знаменитое письмо Н. Страхова Л.Н. Толстому.

«Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком (что, в сущности, совпадает). Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провёл в таких волнениях, которые делали его жалким, и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умён. Сам же он, как Руссо, считал себя лучшим из людей, и самым счастливым.

Его тянуло к пакостям, и он хвалился ими.

Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что... в бане с маленькой девочкой, которую ему привела гувернантка. Заметьте при этом, что, при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица — наиболее на него похожие, — это герой Записок из подполья, Свидригайлов в Прест. И Нак. И Ставрогин в Бесах; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.). Катков не хотел печатать, Д. здесь её читал многим.

В сущности, впрочем, все его романы составляют самооправдание, доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости. Это был истинно несчастный и дурной человек, который воображал себя счастливым, героем и нежно любил одного себя. Н. Страхов. 1883. 28 Ноября. СПб».

Это письмо много раз цитировалось, многими оспаривалось и считалось клеветой на Достоевского. Но что-то мешает нам совсем его отвергнуть. Прежде всего, сам образ, личность и характер одного из главных его героев Ставрогина («Бесы»). Почему отъявленный «нигилист», один из ведущих «бесов» Ставрогин, насиль-

ник и растлитель, носит такую странную фамилию? Слово ставрос в Греческом Новом Завете — это орудие распятия, крест. Ставрогин, растлитель и убийца, почему-то у Достоевского один из самых активных «бесов» — революционеров — связывается с символом христианской религии.

Уместно вернуться к вопросу, который неоднократно задавали исследователи и читатели Достоевского: а верил ли он вообще в Бога? А если верил, то в каком смысле — христианском или как-то иначе? На это существует некий краткий ответ из воспоминаний его современников: «Он был скорее набожен, но в церковь ходил редко, и попов не любил» (А.Е. Врангель); «— Да вы сами-то атеист? — Я деист, я философский деист! — ответил он» (Л.Х. Симонова-Хохрякова³). Эту мысль следует повторить.

Через всё творчество Достоевского проходит коренная идея о значении жертвы и /или самоубийства как способа спасения мира. Советский исследователь творчества Достоевского Н.Н. Наседкин развивает эту мысль достаточно странно: почему-то связывая рассказы Достоевского «Сон смешного человека» с распятием Иисуса Христа, он делает неожиданный вывод о том, что Христос будто бы покончил жизнь самоубийством. Об этом поговорим позже. Самоубийство и жертва — понятия схожие.

В конце романа «Братья Карамазовы» читатель узнаёт о том, что Смердяков и есть настоящий убийца отца Карамазова. Но тут сразу возникает много вопросов. Ещё лет 50 тому назад Л.П. Гроссман поставил вопрос: Карамазовы или Каракозов, обратив внимание на сходство фамилий. Судя по всему, это не случайное совпадение, поскольку Ф. Достоевский дарит своё имя Фёдор отцу семейства Карамазовых. Вспомним других русских писателей. У Пушкина — Евгений Онегин или некий Алеко, но не Александр,

В.Г. Перов. «Портрет Ф.М. Достоевского». 1872 г.

³ Цитируется по книге Н. Наседкин «Самоубийство Достоевского», М. 2002, стр. 355.

у Лермонтова — Григорий Печорин (но не Михаил), у Гоголя — Тарас и т. д. Назвать главного героя романа своим именем — это значит подчеркнуть аналогию его и своей судьбы. Возникает вопрос о Толстом. Ответ простой: положительного и самого любимого героя в «Анне Карениной» он называет Левиным — производным от собственного имени. А вовсе не ввиду его еврейского происхождения, как считают некоторые исследователи.

Имя для писателя всегда символ. То же самое относится и к завершающему роману Достоевского «Братья Карамазовы». Фёдор Павлович Карамазов (читай сам Достоевский) стал для писателя виртуальным отцом четырёх сыновей, каждый из которых — по философской мысли писателя — стал выразителем одного из направлений русской духовной мысли.

Никто из исследователей жизни и творчества Достоевского не обратил внимания на такой интересный и отчасти символический факт: ни одного из своих детей Достоевский не назвал именами героев своих произведений, кроме первенца Фёдора и умершего в детстве Алексея. Может быть, память о рано умершем младшем сыне отразилась в образе Алексея Карамазова. Но возможно, что это не так. В известных воспоминаниях А.С. Суворина, которые неоднократно цитировались в литературе, сообщается, что Достоевский говорил, будто бы Алёша Карамазов, герой романа, в конце концов перейдёт в лагерь революционеров-террористов, и его казнят.

* * *

Отчасти опираясь на воспоминания Суворина, советские и даже современные «достоевсковеды» делают из Ф.М. Достоевского чуть ли не революционера и поклонника то ли советской власти, то ли современного режима. Небезызвестный Игорь Волгин даже в последнем издании своей книги «Последний год Достоевского» (М., 2010) высказал поразительную мысль — почти большевистского типа — о выстреле В.И. Засулич в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова: «события эти были *ответом* на приговоры участникам политических процессов — к сотням лет каторги на издевательства в местах заключения, на административный произвол и массовые высылки без суда и следствия. Они были *ответом* на полную безгласность низов и абсолютную безнаказанность верхов» (с. 14). Кажется, что всё это написано если не в сталинские времена, то, по крайней мере, в брежневские, а вовсе

не в 2010 году. Автор как будто не замечает, что было после этих якобы преследований народовольцев. А есть что вспомнить — почитайте Солженицына.

Важное значение имеет диалог Достоевского (предсмертный) с известным западником К.Д. Кавелиным. Достоевский пишет ему: «Проливать кровь вы не считаете нравственным, но проливать кровь по убеждению вы считаете нравственным. Но, позвольте, почему безнравственно кровь проливать?». Это проблема революции. Если проливать «кровь по совести», то это вроде бы «нормально», тогда надо заплатить жертвой. Может ли убийство быть чем-то оправдано?

Ленин учил о партийной целесообразности. Сегодня мы слышим о государственной целесообразности, да и само понятие убийства как-то скукожилось. В выпусках теле- и радионовостей мы слышим о «ликвидации» или «устранении». Здесь есть над чем подумать.

5 февраля 1880 года в Зимнем дворце произошёл взрыв, подготовленный народовольцем Степаном Халтуриным. При взрыве погибло 11 солдат Лейб-гвардии Финляндского полка, нёсших в тот день караульную службу, 56 человек получили ранения различной степени тяжести. Никто из них не участвовал в якобы преступлениях Александра II. Естественно, что всё общество обсуждало это страшное событие. И вот какой разговор состоялся между Достоевским и А.С. Сувориным (запись из дневника А.С. Суворина). Достоевский сказал: «Представьте себе, что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждёт и всё оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: “Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завёл машину”. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с Вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?

— Нет, не пошёл бы...

— И я бы не пошёл. Почему? Ведь это ужас. Это — преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить...».

Этот разговор у магазина Дациаро неоднократно комментировался в разных статьях и книгах о Достоевском. Разумеется, И. Волгин, в свою очередь, обращаясь к этому тексту, приписы-

вает Ф. Достоевскому внутренние революционные наклонности. А давайте себе представим, что разговор состоялся немножко иначе: допустим, разболтавшиеся террористы сообщили Достоевскому и Суворину, что они хотят взорвать не Зимний дворец, а квартиру Достоевского с его женой и детьми. Как бы тогда поступил Фёдор Михайлович? Побежал бы «доносить» в полицию, сам бы вместе с Сувориным постарался «скрутить» террористов или пустил бы всё дело на самотёк?.. Вряд ли.

Здесь следует задаться вопросом, имеющим религиозно-философский смысл: ни Суворин, ни Достоевский не побежали бы «доносить» вышестоящим властям, а равно как и сами бы не вступили в борьбу с террористами, хотя тоже, смотря с кем. А почему? Они оба были, несомненно, верующими христианами. И, значит, хотели, как многократно утверждал Достоевский, подражать Христу. Самый простой, даже банальный вопрос: стал бы Христос на кого-то доносить? Неужели ему было трудно «донести» на Иуду или на первосвященников Каиафу и Анну? И главное — кому? Неужели императору Тиберию? Сама постановка такого вопроса выглядит глупо. Потому что Иисус Христос — это Бог, и для него «доносить» какой-то высшей власти не просто бессмысленно, а просто абсурдно. К этой теме мы ещё вернёмся. Любое чудо он мог совершить сам.

Представляем читателю решать такие вопросы самостоятельно, но мне почему-то кажется, что Достоевский преступил бы своё внутреннее неприятие «доносов» и постарался бы сделать всё для защиты своей семьи, как он и поступал в течение своей жизни. Много раз в разных статьях и дневнике писателя он говорил, что в любом сложном случае он всегда старался поступать так, как поступил бы Христос. Существует его просто удивительное высказывание в письме к Н.Д. Фонвизиной: если бы ему доказали, «что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа», то ему «лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Отсюда следует интересный вывод: значит, Христос — это не истина? Но Христос это Бог или просто пророк, как учил современник Достоевского и его друг-враг Лев Толстой, подражатель Штрауса и Ренана.

Это суждение, — его Достоевский никогда не отрицал, — настолько поразительно, что сразу же опровергает все, сколько бы раз они ни были высказаны, рассуждения о христианстве Достоевского. Ведь если он «со Христом», то значит он вне Бога и вне ис-

тины, а Христос не Бог, потому что Бог не может быть вне истины по той простой причине, что иначе весь наш мир был бы ложным. И не только был бы ложен, но даже заранее проклят, и никакой «псевдобог — Христос» спасти его не может, даже если вместе с ним и сам Достоевский. Никто из наших литературоведов от Д.С. Мережковского до И. Волгина эту простую мысль вроде бы не заметил.

Приведём ещё одну интересную цитату из упомянутой книги И. Волгина: «В записках Е.Н. Опочинина приводятся слова одного православного священника, русского миссионера в Китае — отца Алексия. “Вредный это писатель! — так отзывается о Достоевском отец Алексей. — Тем вредный, что в произведениях своих прельстительность жизни возвеличивает и к ней, к жизни-то, старается всех привлечь. Это учитель от жизни, от плоти, а не от духа. (...) И хуже всего то, что читатель при всём том видит, что автор человек якобы верующий, даже христианин. В действительности же он вовсе же не христианин, а все его углубления ... суть одна лишь маска, скрывающая скептицизм и неверие”».

В противовес этой мысли приведём цитату из сочинений Ф.М. Достоевского: в одном письме 1870 года он упоминает вопрос о бытии Бога как «тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь»⁴.

Санкт-Петербург

Продолжение следует

К портрету Достоевского

*В нём Совесть сделалась пророком и поэтом,
И Карамазовы, и бесы жили в нём, —
Но что для нас теперь сияет мягким светом,
То было для него мучительным огнём.*

Иннокентий Анненский

---

⁴ Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. 29/1, стр. 117.